

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Ватулина А.А. Трансформация нормативной силы Европейского союза и построение цифрового суверенитета под влиянием новых вызовов // Международные отношения. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.70963
EDN: DRMFY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70963

Трансформация нормативной силы Европейского союза и построение цифрового суверенитета под влиянием новых вызовов

Ватулина Александра Александровна

ORCID: 0009-0008-5891-8603

аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет;
старший преподаватель, кафедра сравнительных политических исследований, Северо-Западный
институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ

199034, Россия, - область, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7–9

✉ peahigram@gmail.com

[Статья из рубрики "ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.2.70963

EDN:

DRMFY

Дата направления статьи в редакцию:

06-06-2024

Аннотация: Цель статьи состоит в том, чтобы определить является ли геополитическое позиционирование Европейского союза (ЕС) и дискурс «цифрового суверенитета» отказом от нормативного проекта ЕС. Объектом исследования является нормативная сила ЕС. Предметом исследования является цифровая политика ЕС. Автор рассматривает положения теории нормативной силы Яна Маннерса и приводит критику теории другими исследователями. Особое внимание уделяется принципам действия нормативной силы Евросоюза в цифровой политике. Также рассмотрены легитимность нормативной силы ЕС через теорию ролей, геополитизация цифровой политики ЕС и влияние геополитического поворота на нормативную силу ЕС. В статье обсуждается концепция «цифрового суверенитета» в контексте нормативной силы и сочетаемости геополитического ЕС с прежним образом. Дискурс «цифрового суверенитета» ЕС анализируется как попытка активировать новую международную норму в противовес

моделям регулирования Интернета в Китае и США. Приводятся аргументы в пользу мнения, что «цифровой суверенитет» – новое проявление нормативной силы ЕС. В работе применены методы теоретического исследования, а именно: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция и классификация. Новизна исследования заключается в анализе нормативной силы Европейского союза в контексте регулирования цифровой политики и создания новых стандартов управления цифровой сферой. Вкладом автора в исследование темы является рассмотрение нормативной силы ЕС через призму теории ролей и проявления адаптивности по отношению к внешним вызовам. Новизной исследования является анализ "цифрового суверенитета" как проявления нормативной силы ЕС. Основными выводами приведенного исследования являются: 1) Новый геополитический курс ЕС в цифровой политике не означает отказ от нормативного проекта ЕС и смену парадигмы. Принципы могут принимать разные формы для соответствия мировой конъюнктуре, но ядро в виде европейских ценностей остается неизменным и используется как основа для создания регулирующего законодательства. 2) Использование дискурса «цифрового суверенитета» и более жесткая риторика позволяют ЕС вписаться в новый геостратегический мир и получить возможность и дальше экспортировать европейские ценности и стандарты. 3) «Цифровой суверенитет» – дискурсивное выражение нежелания ЕС занимать одну из крайних позиций, олицетворенных в подходах США и Китая.

Ключевые слова:

Европейский союз, Нормативная сила, Цифровая политика, Цифровой суверенитет, Геополитика, Эффект Брюсселя, Стратегическая конкуренция, Дискурс, Европейские ценности, Регулирование

Европейский союз (ЕС) долгое время позиционировал себя как актора, который действует на международной арене не с помощью силовой политики, а посредством установления международных правил и норм поведения. Нормативная сила Европейского союза (ЕС) стала популярной темой изучения со времени выпуска соответствующей статьи Яна Маннерса в 2002 году [\[1\]](#).

Я.Маннерс противопоставлял нормативную силу с ее акцентом на идеях, ценностях и нормах гражданской и военной силе [\[1\]](#). Способность структурировать международную систему посредством своих норм и ценностей является квинтэссенцией нормативной силы. Концепция нормативной силы подразумевает связь с правовыми нормами и определение того, что является нормальным.

Обращение к норме как к средству влияния отражает, прежде всего, сам проект европейского строительства. Именно на основе общих норм, возникших в результате мирного и согласованного разрешения конфликтов между исторически враждебными национальными государствами, был построен европейский проект по обеспечению мира на континенте. Нормативное влияние Евросоюза проявляется через следующие способности, напоминающие «эффект Брюсселя» Ану Брэдфорд [\[2\]](#):

- способность разрабатывать законы и обеспечивать их соблюдение на своей территории и за ее пределами (экстерриториальность);
- способность влиять на содержание норм (юридических, технических), возникающих в результате международного переговорного процесса на различных многосторонних

форумах;

- способность служить привлекательной нормативной моделью в международном сообществе.

В 2019 году во время своей вступительной речи в Европейском парламенте Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель подтвердил, что Европейский Союз обладает ключевыми нормативными полномочиями по внедрению правил и стандартов мирового уровня, а также призвал Евросоюз выучить язык силы, чтобы сохранить право на свой образ жизни [\[3\]](#). В том же году председатель Европейской комиссии (Еврокомиссия, Комиссия) Урсула фон дер Ляйен обозначила стремление к сильной Европе через «геополитическую Комиссию» [\[4\]](#).

В цифровой политике геополитическое направление проявилось через дискурс «цифрового суверенитета» и сопутствующий ему процесс ограничения доступа на европейский рынок тем, кто воспринимается как угрожающий европейским ценностям игрок. На фоне геополитического соперничества в развитии технологий между Китаем и Соединенными Штатами ЕС утверждает себя в качестве стратегически автономного третьего игрока в цифровой сфере, получившей «новую норму» в виде обостренной геополитической конкуренции [\[5\]](#).

Исходя из основных положений нормативной теории Я.Маннерса, геополитическое позиционирование идет вразрез с нормативной силой и составляющими ее фундамент универсальными ценностями (в том числе экономическими – принципами свободной торговли), что уже было отмечено в работах исследователей Евросоюза [\[5, 6, 7\]](#).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить является ли геополитическое позиционирование ЕС и дискурс «цифрового суверенитета» автоматическим отказом от нормативного проекта ЕС. В работе описаны положения теории нормативной силы Я.Маннерса и критика теории другими исследователями, принципы действия нормативной силы Евросоюза в цифровой политике. Также рассмотрена легитимность нормативной силы ЕС через теорию ролей, геополитизация цифровой политики ЕС и влияние геополитического поворота на нормативную силу ЕС.

В статье обсуждается концепция «цифрового суверенитета» в контексте нормативной силы и сочетаемости геополитического ЕС с прежним образом. Нарратив о регулировании Интернета, составляющий один из основных компонентов «цифрового суверенитета» ЕС, анализируется как попытка активировать новую международную норму в противовес моделям регулирования Интернета в Китае и США. Приводятся аргументы в пользу мнения, что «цифровой суверенитет» – новое проявление нормативной силы ЕС.

Нормативная сила Я.Маннерса и теория ролей

Европейский союз через нормативные принципы стремится формировать сообразно своим представлениям о нормальности правильное или «хорошее» поведение в международных делах, а также старается быть трендсеттером для глобальной политики. Способность определять, что считается «нормальным», является главным компонентом влияния ЕС на международной арене [\[8\]](#). При этом нормативная сила способна не только структурировать поведение партнеров, но также формировать понимание того, что представляет собой «приемлемое» в международной политике. В связи с этим нормативная сила является способом ЕС устанавливать отношения с неевропейскими государствами и институтами глобального управления и общаться с внешним миром.

Я.Маннерс выделил 6 основных форм коммуникаций ЕС в нормативном поле [\[11\]](#):

- заражение, часто посредством добродетельного примера;
- распространение информации, часто через политические документы ЕС;
- процедурное распространение, например, в отношении межрегионального сотрудничества;
- передача посредством предоставления помощи ЕС в целях развития;
- открытое распространение, например, через встречи министров;
- культурный фильтр, например, посредством взаимодействия с Китаем по вопросам прав человека.

Евросоюз проявляет «нормативную силу» для изменения политических целей внешних партнеров. Не только третьи страны, стремящиеся к торговле с ЕС, испытывают влияние европейской нормативности, но также, и даже в большей степени, страны-кандидаты на вступление в Евросоюз – из-за требования ЕС постепенно адаптировать в национальное законодательство европейское право (*acquis communautaire*) в переходный период [\[8\]](#).

Дебаты о степени доброжелательности нормативной силы ЕС длятся уже давно. Сразу после публикации статьи с теорией о нормативной силе Я.Маннерса обвинили в чрезмерно позитивном взгляде на доброжелательные мотивы ЕС, не учитывающие стратегические цели Евросоюза, а также указывали на то, что теория не отражает нюансов взаимоотношений между этическими нормами и материальными интересами, так как второе может быть имплицитно заложено в первое [\[9, 10\]](#). Нормы могут выступать как самоцель, но также, как и инструмент достижения как благих, так и корыстных целей [\[11\]](#).

Исследователи указывали на неспособность теории объяснить отход от нормативной силы в периоды кризисов, когда ЕС в ущерб своей репутации нормативного лидера готов отойти от принципов ради уменьшения негативных последствий от трудных ситуаций [\[12, 13\]](#). То есть речь идет скорее о выборочном следовании нормам в зависимости от состояния окружающей среды. Если она благоприятна, то нормативные принципы соблюдаются, если нет – ими жертвует во имя других целей.

Отмечаемые исследователями недостатки теории нормативной силы обнажают уязвимые места нормативного лидерства Евросоюза, нуждающегося в признании со стороны других для полноценного осуществления. Нормативные державы должны получать со стороны своих партнеров добровольное согласие на осуществление влияния, чтобы «раскрыть» свою нормативность [\[8\]](#).

Кроме того, концепция нормативной силы является идеологической, то есть опирается на нормативное обоснование вместо использования материальных стимулов или физической силы [\[8, с. 161\]](#). Нормативная сила не может быть инструментом для достижения политических целей, так как нормы не формируются ситуативно под конкретные задачи, а постепенно эволюционируют, со временем становясь привлекательными для других [\[7, с. 164\]](#).

По теории ролей лидерство обусловлено подходящим актору ролевым содержанием и последовательным исполнением ролей [\[14\]](#). Последнее является основой легитимности и доверия, позволяющей актору занимать лидерские позиции. Лидерство является социальной концепцией и формируется во взаимодействии с другими акторами [\[14\]](#). В

случае Евросоюза это означает необходимость получать признание от других участников международной политики на формулирование норм, которые будут добровольно соблюдаться всеми участниками.

Роль нормативной и регулирующей державы является не только важным аспектом лидерства ЕС, но также важным компонентом европейской идентичности, поскольку обеспечивает Евросоюзу смысл существования и логику действий, предписывая, что ЕС может и должен делать в международной политике [\[14\]](#). Геополитический поворот, о котором подробнее будет рассказано в следующем абзаце, может серьезно повредить тщательно создаваемому годами международному имиджу ЕС как образца для подражания в принятии внешнеполитических решений на основе либеральных ценностей и принципов свободного рынка.

Геополитический поворот и цифровой суверенитет

Объявленная в 2019 году председателем Еврокомиссии У.фон дер Ляйен «геополитическая Комиссия» стала ответом на многочисленные и разнообразные вызовы, окружающие Евросоюз в последнее десятилетие. Антагонистические и ревизионистские державы противодействуют стремлению ЕС продвигать либеральные нормы и не признают нормативную руководящую роль ЕС.

Помимо внешнего сопротивления, существуют и внутренние противоречия: национальные государства внутри самого Евросоюза не всегда откликаются на идеи ЕС, а иногда и прямо противостоят видениям Брюсселя относительно приемлемого и правильного поведения. Кроме того, геостратегический мир не сочетается с порядком, основанным на правилах, что означает прямую угрозу лидерству ЕС.

В «Глобальной стратегии» Евросоюза 2016 года указывается, что «идея о ЕС как об исключительно гражданской силе не соответствует текущей реальности» [\[15, с. 4\]](#), а концепция «принципиального прагматизма», обозначенная в этой же стратегии, указывает на реалистичный (в противовес прошлой доминирующей либеральной парадигме) подход к продвижению норм. Обозначив в своем отношении к внешнему миру прагматизм, ЕС подтвердил, что больше не стремится корректировать поведение всех своих партнеров, опираясь на универсальность европейских ценностей. Наоборот, появилось понимание того, что некоторые партнеры не будут поддаваться влиянию и принимать европейские ценности в силу культурных, социальных и политических факторов.

Концепция «принципиального прагматизма» и отказ от универсалистского продвижения европейских ценностей и норм показывают, что Евросоюз отошел от доминирующей либеральной парадигмы и приблизился к реализму. Угрозы европейскому образу жизни служат дискурсивным оправданием для перехода к новому состоянию. ЕС воспринимает изменение геополитического ландшафта и последующую эрозию правил и принципов многосторонней системы как угрозу своему мировоззрению и пониманию принципов взаимодействия между участниками международной системы, что дает основания употреблять более жесткую риторику по отношению к внешнему миру.

Концепция like-minded partners (партнеры, мыслящие схожим образом) позволяет отделять своих от чужих и фокусироваться на влиянии на тех, кто уже готов принимать европейские нормы. Подобный подход означает снижение экстенсивного развития в пользу интенсивного и в целом свидетельствует о желании сделать ставку в коммуникации с внешним миром на качество, а не на количество. В цифровой сфере

геополитика проявляется через неэкономический выбор партнеров и поставщиков оборудования – когда приоритетными становятся не рыночные показатели, а политические мотивы (соответствие европейским нормам, субъективно понимаемая надежность, доверие) [\[16\]](#).

Регулирование цифровой политики с геополитическими мотивами получило свое дискурсивное воплощение в концепции «цифрового суверенитета». У «цифрового суверенитета» множество определений, но наиболее подходящим для изучения регулирования цифровой политики представляется определение «цифрового суверенитета» как контроля над цифровой сферой и ее различными уровнями, такими как данные, программное обеспечение, протоколы, инфраструктура и т.д. [\[16\]](#). Ключевым в данном определении является слово «контроль».

Долгое время Евросоюз активно не вмешивался в цифровую сферу, а периодически появляющиеся регулятивные акты осуществлялись при активном участии частного сектора и определялись экономической эффективностью [\[17\]](#). Геополитические мотивы в регулировании утвердились после 2019 года, когда председатель Еврокомиссии У.фон дер Ляйен обозначила «цифровой суверенитет» одним из приоритетов в своей стратегии развития ЕС [\[18\]](#).

После этого исследователи начали отмечать, что новая геополитическая ориентация ЕС и концепция суверенитета плохо сочетаются с нормативной силой, которая до этого активно позиционировалась как визитная карточка европейского проекта [\[5, 6\]](#). Однако концепция «цифрового суверенитета» не только обозначает стремление к контролю и дискурсивно поддерживает конкретные политические решения, но и может утверждать и распространять на других европейские нормы.

В отношении цифровой политики начавшийся процесс геополитизации сохраняет черты применения нормативной силы. Так, Евросоюз одним из первых начал предпринимать попытки закрепить нарратив о регулировании Интернета как международной нормы. Такие законопроекты, как Общий регламент ЕС по защите данных, Европейский закон о чипах, Закон о цифровых рынках и Закон о цифровых услугах, обозначили амбиции Евросоюза стать мировым лидером цифрового регулирования и глобально распространить на цифровую сферу нормативную силу ЕС. Выстраиваемый образ ЕС как золотой середины между слишком либеральными США и авторитарным Китаем нацелен стать привлекательной и авторитетной моделью поведения для неопределившихся стран в вопросах регулирования цифровой политики.

Согласно 4 стратегиям управления Интернетом, подход ЕС относится к типу «буржуазного Интернета», где троллинг и плохое поведение наказываются, корпорации получают штрафы в случаях допущения противозаконной активности в своих социальных сетях, а конфиденциальность пользователей надежно защищена [\[19\]](#). Таким образом, можно обозначить следующие преимущества «европейской модели» регулирования Интернета и цифровой сферы в целом:

- Фокус на интересах людей и защите пользователей от произвола больших корпораций, внешнего вмешательства и киберпреступности.
- Умение перевести общественный запрос на безопасность в Интернете в законодательство благодаря обширному опыту ЕС в регулировании.
- Продвижение универсальных социально-ориентированных ценностей в киберпространстве, которые могут приниматься другими странами как стандарт.

- Хорошая репутация на международной арене благодаря умению кооптировать разные интересы и представлять разных акторов.

Перечисленные особенности регулирования цифровой сферы Евросоюзом позволяют утверждать, что Брюссель использует привлекательность огромного европейского рынка и способность вырабатывать эффективное регулирование для усиления своей нормативной силы. Экономическая и регулирующая мощь способствуют внедрению в цифровом пространстве норм и правил, которые будут приниматься другими акторами как пример и образец для дальнейших самостоятельных действий.

Кроме того, ЕС проявляет адаптивность к внешним изменениям и направляет регулирование цифровой политики соответственно передовым тенденциям. Так, стремление ЕС к интервенционизму в цифровой политике совпадает с мировым трендом неомеркантилизма [\[20\]](#). Ранее ЕС следовал актуальной на тот момент практике невмешательства или совместной работе с частным сектором, который брал на себя большую часть регулирования [\[17\]](#).

Сейчас концепция «цифрового суверенитета» подчеркивает новую стратегию ЕС в отношении регулирования цифровой политики с претензией на статус субъекта безопасности, несмотря на отсутствие контроля над более традиционными силами безопасности, такими как армия и полиция [\[21\]](#). Данный акцент на безопасности является важным фактором сохранения нормативного влияния ЕС в мире, где обеспокоенность стремительным распространением цифровых технологий и властью ТНК с каждым годом набирает обороты.

Выводы

Новый геополитический курс ЕС в цифровой политике не означает отказ от нормативного проекта ЕС и кардинальную смену парадигмы. Принципы могут принимать разные формы для соответствия мировой конъюнктуре, но ядро в виде европейских ценностей остается неизменным и используется как основа для создания регулирующего законодательства. Т.Диез писал, что ЕС подстраивается под момент, адаптируется, а не навязывает концепции [\[22\]](#).

Стратегия «выбирать свои зависимости» подчеркивает осознание Брюсселем отставания европейских компаний от крупных игроков на цифровом рынке и показывает стремление диверсифицировать поставщиков технологий, а также начать самостоятельные проекты там, где для этого есть ресурсы и возможности.

Использование дискурса «цифрового суверенитета» и более жесткая риторика позволяют ЕС вписаться в новый геостратегический мир и получить возможность и дальше экспортировать европейские ценности и стандарты, в том числе в киберпространстве. Евросоюз стремится использовать свои сильные стороны (дипломатическую и экономическую мощь, нормативную и регулируемую силу) для повышения конкурентоспособности на цифровом рынке.

«Цифровой суверенитет» и его производные («технологический суверенитет», «суверенитет данных») – дискурсивное выражение нежелания ЕС занимать одну из крайних позиций, олицетворенных в подходах США и Китая, где первые защищают интересы корпораций в ущерб защищенности пользователей, а вторые отстаивают интересы государства с нарушением прав человека.

Нормативная сила применяется не только в благоприятном внешнеполитическом

климате, но и может выступать геополитическим активом, которым для нужного эффекта необходимо активно управлять. Так, в турбулентной геополитической ситуации распространение влияния на союзные страны и мыслящих схожим образом партнеров облегчается из-за сузившегося горизонта вариантов и необходимости делать конкретный выбор. Для привлечения потенциальных сторонников важно подобрать правильный дискурс, который сможет играть роль кооптирующей концепции для многих акторов.

Социальные конструкции (закон, ценности) всё чаще обуславливают цифровые технологии и выводят цифровую политику за пределы исключительно технических вопросов. Дискурс «цифрового суверенитета» сочетает геополитические видения, внешнеполитические приоритеты и проблемы технологического экономического характера.

Из-за постоянных, подчас революционных, изменений в цифровых технологиях нет однозначно утвердившейся нормальности в регулировании данной сферы. Так как нормальность не является данной, может быть разной, а формирует ее само международное общество, то необходимо проявить инициативу в продвижении своих норм. Евросоюз может и хочет участвовать в нормативной конкуренции на ведущих ролях.

Такие факторы, как большой опыт ЕС в регулировании, умение предложить универсальные правила и соблюсти интересы разных сторон, а также привлекательность европейского рынка для ТНК и стоящих за ними стран, старающихся соответствовать европейскому законодательству, чтобы не потерять доступ, делают цифровую сферу удобной площадкой для продвижения норм ЕС.

«Цифровой суверенитет» – новое проявление нормативной силы ЕС, так как:

1. Другие страны внедряют у себя законодательство о защите данных, которое во многом основано на Общем регламенте ЕС по защите данных (General Data Protection Regulation — GDPR).
2. Концепция цифрового суверенитета не позволяет ЕС конкурировать с США и Китаем в экономическом плане, что исключает аргумент о корыстном по отношению к другим акторам поведении. Суверенитет нужен, чтобы ЕС мог остаться в глобальной цифровой игре хотя бы в статусе постоянно догоняющего. Данная уязвимость позволяет утверждать, что ЕС стремится ввести свою версию цифрового регулирования как универсальную ценность.
3. Евросоюз продвигает человекоцентричную модель цифрового регулирования, которая лишена крайностей США и Китая и может стать золотой серединой для всех акторов, которые хотят избежать присоединения к ультралиберальному или авторитарному подходам, олицетворенным в упомянутых странах.

Регулирование – острое европейского «цифрового суверенитета». Идея цифрового суверенитета соответствует намерению привести заграничные ИТ-компании к единому «правильному» и одобряемому европейскими институтами поведению путем регулирования европейского цифрового рынка в соответствии с ценностями и интересами ЕС.

Таким образом, геополитическое позиционирование ЕС и дискурс «цифрового суверенитета» не обязательно влекут за собой отказ от нормативного проекта. Наоборот, обозначенный исследователями кризис Евросоюза в продвижении своих правил может открыть новые возможности для применения нормативной силы и сделать акцент на интенсивном и качественном распространении европейских норм в среде ментально

подходящих партнеров, готовых воспринимать Евросоюз как нормативного лидера и сильного антагониста конкурирующим ценностным проектам.

Библиография

1. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. No. 40(2). Pp. 235-258.
2. Bradford A. The Brussels effect: How the European Union rules the world. USA: Oxford University Press, 2020.
3. Josep Borrell Fontelles High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy / Vice-President: A Stronger Europe in the World. 07.10.2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/640173/EPRS_BRI\(2019\)640173_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/640173/EPRS_BRI(2019)640173_EN.pdf) (дата обращения: 15.05.2024).
4. Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme. 27.11.2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_19_6408 (дата обращения: 15.05.2024).
5. Broeders D., Cristiano F., & Kaminska M. In search of digital sovereignty and strategic autonomy: Normative power Europe to the test of its geopolitical ambitions // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2023. No. 61(5). Pp. 1261-1280.
6. Pänke J. Liberal empire, geopolitics and EU strategy: Norms and interests in European foreign policy making // Geopolitics. 2019. No. 24(1), Pp. 100-123.
7. Павлова Е. Б., & Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС. Полис. Политические исследования, (1), 162-176, 2017.
8. Kavalski E. The struggle for recognition of normative powers: Normative power Europe and normative power China in context // Cooperation and Conflict. 2013. No. 48(2). Pp. 247-267.
9. Hyde-Price A. Normative Power Europe: A Realist Critique // Journal of European Public Policy. 2006. No. 13(2). Pp. 217-234.
10. Forsberg T. Normative power Europe, once again: A conceptual analysis of an ideal type // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2011. No. 49(6). Pp. 1183-1204.
11. Aggestam L. Introduction: ethical power Europe? // International affairs. 2008. No. 84(1). Pp. 1-11.
12. Pollack M. A. Living in a material world: a critique of 'normative power Europe', 2020.
13. Langan M. Normative Power Europe and the Moral Economy of Africa-EU Ties: A Conceptual Reorientation of "Normative Power." New Political Economy // 2012. No. 17(3). Pp. 243-270.
14. Michalski A., & Parker C. F. The EU's evolving leadership role in an age of geopolitics: Beyond normative and market power in the Indo-Pacific // European Journal of International Security. 2024. Pp. 1-18.
15. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, June 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения: 15.05.2024).
16. Couture S., & Toupin S. What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital? // New Media & Society. 2019.
17. Farrand B., & Carrapico H. Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity // European Security. 2022. No. 31(3). Pp. 435-453.
18. Digital sovereignty for Europe. Briefing, EPRS Ideas Paper – Towards a more resilient EU, July 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992)

_EN.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

19. O'hara K., & Hall W. Four internets: The geopolitics of digital governance, 2018.
20. Mueller M. L., & Farhat K. Regulation of platform market access by the United States and China: Neoliberalism in digital services // Policy & Internet. 2022. No. 14(2). Pp. 348-367.
21. Bellanova R., Carrapico H. and Duez D. Digital/Sovereignty and European Security Integration: An Introduction // European Security. 2022. No. 31(3). Pp. 337-355.
22. Diez T. The EU in a changing world order: in defence of normative power 2.0. // Marmara Üniversitesi Avrupa Araştırmaları Enstitüsü Avrupa Araştırmaları Dergisi. 2021. No. 29(1). Pp. 1-20.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Трансформация нормативной силы Европейского союза и построение цифрового суверенитета под влиянием новых вызовов»

Предмет исследования обозначен в названии статьи «трансформация нормативной силы Европейского союза и построение цифрового суверенитета под влиянием новых вызовов» и довольно подробно разъяснен в тексте.

Методология исследования. Работа базируется на принципах научной объективности, системности и историзма. Автор при написании статьи опирался на общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также на исторические методы (историко-хронологический, историко-сравнительный и др.), политологические методы ((метод «case study» и др.).

Актуальность. Автор отмечает, что Европейский союз (ЕС) долгое время позиционировался как актор, действующим на международной арене не с помощью силовой политики, а посредством установления международных правил и норм поведения. Геополитическое соперничество Китая и Соединённых штатов Америки в развитии технологий вынуждает ставить в современных условиях перед Европейским союзом «задачу утвердить себя в качестве стратегического третьего игрока в цифровой сфере». В статье автор ставит цель исследовать «является ли геополитическое позиционирование ЕС и дискурс «цифрового суверенитета» автоматическим отказом от прежних нормативных норм, на котором базировалась деятельность ЕС и ее принципы действия на международной арене.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Автор ставит цель изучить не является ли дискурс «геополитическое позиционирование ЕС и дискурс «цифрового суверенитета» отказом от нормативного проекта ЕС. Новизна заключается также в том, что автор рассматривает «нарратив о регулировании Интернета, составляющий один из основных компонентов «цифрового суверенитета» ЕС» как попытку «активизировать новую международную норму в противовес моделям регулирования Интернета в Китае и США», а «цифровой суверенитет»-как новое проявление нормативной силы ЕС».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, есть элементы описательности, что делает текст статьи понятным не только специалистам, но и широкому кругу читателей. И это представляется вполне уместным и важным, учитывая актуальность исследуемой темы в современных геополитических реалиях. Структура работы нацелена на достижение цели и задач исследования. Структура состоит из небольшой вводной части, которая раскрывает актуальность темы, ее цель и задачи. Основная часть работы

состоит из двух разделов: Нормативная сила Я.Маннерса и теория ролей; Геополитический поворот и цифровой суверенитет. Название разделов соответствует их содержанию. В первом разделе автор подробно пишет о том, что входит в понятие нормативная сила Я. Маннерса, отмечая 6 основных форм коммуникаций ЕС в нормативном поле, выделенные Я.Маннерсом. Автор показывает какие недостатки содержатся в теории нормативной силы, отмечая, что она не может быть инструментом, «для достижения политических целей, так как нормы не формируются ситуативно под конкретные задачи, а постепенно эволюционируют, со временем становясь привлекательными для других». В разделе «Геополитический поворот и цифровой суверенитет» показаны обстоятельства внимания ЕС к переходу к информационной (цифровой) политике и ее геополитическим мотивам, раскрывают особенности регулирования цифровой сферы, подчеркивая, что ЕС использует привлекательность огромного европейского рынка и способность вырабатывать эффективное регулирование для усиления своей нормативной силы. В заключении статьи приведены основные выводы по исследуемой теме. Автор отмечает, что «новый геополитический курс ЕС в цифровой политике не означает отказ от нормативного проекта ЕС и кардинальную смену парадигмы..., а позволяют ЕС вписаться в новый геостратегический мир и получить возможность и дальше экспортировать европейские ценности и стандарты, в том числе в киберпространстве. Евросоюз стремится использовать свои сильные стороны (дипломатическую и экономическую мощь, нормативную и регулируемую силу) для повышения конкурентоспособности на цифровом рынке». Библиография работы показывает, что автор хорошо ориентируется в исследуемой проблеме. Библиография состоит из 22 источников и литературы на английском языке. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации, проведенного анализа и библиографии статьи. Выводы, интерес читательской аудитории. Статья подготовлена на актуальную и интересную научную тему, и она не останется без внимания читателей журнала «Международные отношения».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает трансформация концепции нормативной силы, которой до недавнего времени следовал Европейский союз, под влиянием новых факторов международной политики, прежде всего, необходимости обеспечения цифрового суверенитета. Учитывая широкую популярность концепций «мягкой силы», «нормативной силы» и др. в современной международной политике на фоне наблюдаемых процессов возвращения в мировую политику силовых методов решения проблем, а также резко возросшей в последние десятилетия значимости различных аспектов государственного суверенитета, в том числе, – цифрового, – актуальность выбранной автором темы для исследования трудно переоценить. К сожалению, автор проигнорировал свою обязанность должным образом отразить методологические основания своей работы – если теоретический базис ещё хоть как-то раскрыт и обоснован (концепция нормативной силы Я. Маннерса, ролевая теория, концепция цифрового суверенитета и др.), то об использованной в работе методологии не говорится ни слова. Однако из контекста можно понять, что в процессе исследования применялись исторический и институциональный методы (при анализе истории становления институтов нормативной силы Европейского союза),

критический концептуальный анализ (при изучении основных положений разработки и институциональной реализации концепции нормативной силы), а также некоторые элементы дискурс- и контент-анализа (при исследовании деклараций официальных лиц и политиков). Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о выявленной в процессе исследования преемственности в реализации концепции нормативной силы в практической политике ЕС после произошедшего в середине 2010-х годов «геополитического поворота» в сторону большего прагматизма в международных отношениях, с одной стороны, и реализации «цифрового суверенитета» – с другой. Автор справедливо отмечает, что указанный поворот не означает кардинальной смены парадигмы, о чём говорит, в частности, сохранение ценностного ядра европейской политики, хотя и приносимого иной раз в жертву политической целесообразности. Любопытен также вывод автора о том, что сама концепция цифрового суверенитета оказалась встроена в концепцию нормативной силы, что стало возможным по причине отсутствия в современных цифровых технологиях общепринятой и однозначно утвердившейся «нормальности». Поэтому одним из аспектов проведения нормативной силы со стороны ЕС стало утверждение европейского представления о «нормальности» в цифровом мире, сочетаемого с правилами защиты данных, человекоцентричности цифрового регулирования и др. В структурном плане работа также не вызывает существенных нареканий: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - неозаглавленная вводная часть, где ставится научная проблема, аргументируется её актуальность, формулируются цель и задачи исследования, а также раскрывается его теоретический базис; - «Нормативная сила Я. Маннерса и теория ролей», где проводится критический анализ концепции нормативной силы Я. Маннерса и специфики его реализации в европейской политике; - «Геополитический поворот и цифровой суверенитет», где показаны геополитические сдвиги, произошедшие во внешней политике ЕС, связанные с мировыми вызовами и, прежде всего, с изменениями в цифровой сфере; - «Выводы», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Нет существенных претензий и к стилю статьи. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, отсутствие кавычек в подзаголовке «Нормативная сила Я. Маннерса и теория ролей» делает его двусмысленным – этот подзаголовок можно понять не как концепция нормативной силы Я. Маннерса, а как будто сила принадлежит Я. Маннерсу; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части обсуждения достоинств и недостатков концепции Я. Маннерса.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты обладают признаками научной новизны и достоверности и будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международные отношения». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.